

Сознание как противоречивый атрибут человечности

Сергей Сергеевич Антюшин^{1, 2}

¹ Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация

² Академия военных наук, Москва, Российская Федерация
Serg.Ant@list.ru

Аннотация

Введение. Вопрос о сознании – один из тех, осмысление которого дает возможность обрести уверенность в понимании, что бытие человека необходимо, что земная человеческая цивилизация не могла не возникнуть во Вселенной. Взаимодействие концепций о сущности и происхождении сознания утверждает важность жизни, труда, достоинства человека, обоснованность появления и развития культуры.

Теоретические основы. Методы. Процесс «чистого» самопознания, в котором сознание исследует сознание, выявляет немало противоречий и даже угроз, порождаемых разумом самому себе. В рассмотрении этих и иных вопросов использованы историко-философские подходы, методы диалектический, системного анализа. Изучение закономерностей работы сознания позволяет надеяться на повышение эффективности самопознания, достижение более высокой степени самоконтроля, лучшего взаимопонимания между людьми.

Результаты исследования. Результатом проведенного анализа стали выводы о том, что качество сознания является важнейшим признаком меры человеческой, культурной составляющей субъекта общественных отношений, а также о том, что уровень осознанности социальной активности непосредственно влияет на безопасность и жизнеспособность любой социальной системы. Для России в переломный период мировой истории, на рубеже первой и второй четверти XXI в., это особенно актуально.

Обсуждение и заключение. Наступил решающий момент в судьбах России и мира. Это делает необходимым эффективное овладение собственным сознанием.

Ключевые слова: сознание, философия, самосознание, самопознание, человек, человечность, технико-технологический аспект общества, социальное развитие, культура

Для цитирования: Антюшин С. С. Сознание как противоречивый атрибут человечности // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6, № 1. С. 8–33. DOI: 10.37399/2686-9241.2024.1.8-33.

Original article

Consciousness is a Contradictory Attribute of Humanity

Sergey S. Antyushin^{1, 2}

¹ Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

² Academy of Military Sciences, Moscow, Russian Federation

For correspondence: Serg.Ant@list.ru

Abstract

Introduction. The question of consciousness is one of those which comprehension makes it possible to gain confidence that the human existence is necessary, that the earth human civilization had to have arisen in the Universe. The interaction of concepts about the essence and the origin of consciousness asserts the importance of human life, human activity, human dignity as well as the validity of the emergence and development of culture.

Theoretical Basis. Methods. At the same time, the process of “pure” self-knowledge in which consciousness explores consciousness reveals many contradictions and even threats generated by the mind to itself. The desire to identify patterns of consciousness allows the hope of increasing of the effectiveness of self-knowledge to get a higher degree of self-control, to achieve better mutual understanding between people.

Results. The result of the analysis was the conclusion that the quality of consciousness is the most important sign of the measure of the human, cultural component of the subject of social relations, and also that the level of awareness of social activity directly affects the safety and viability of any social system. For Russia, at a turning point in world history, at the turn of the first and second quarters of the 21st century this is especially true.

Discussion and Conclusion. A decisive moment has come in the destinies of Russia and the world. This makes it necessary to effectively master one's own consciousness.

Keywords: consciousness, philosophy, self-awareness, self-knowledge, a man, humanity, the technical and the technological aspect of the society, the social development, culture

For citation: Antyushin, S. S., 2024. Consciousness is a contradictory attribute of humanity. *Pravosudie/Justice*, 6(1), pp. 8–33. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2024.1.8-33.

Введение

Человек возникает в своей «человеческой» определенности в момент обнаружения того, что он неким образом противопоставлен природе. Это происходит благодаря сознанию, возникновение которого он, вероятно, осознает далеко не сразу...

Тем не менее человек находит себя в окружающем, ставшем «своим» мире в качестве субъекта – активной целеполагающей части реальности. «Субъектность» оказывается свойством «человечности», которая проявляется в любознательности, созидательности, сострадании, эмпатии, стремлении поддержать ближнего. Но и проявления в той или иной мере осознанной «антигуманности» – безнравственности, жестокости, зависти... – указывают на то, что и это антигуманное сознание остается человеческим, а его обладатель – из рода людей – разумных существ, или, если угодно, *Homo sapiens*. Это противоречие, которое требует не столько немедленных объяснений или самокритики, сколько глубокого научного анализа, всестороннего осмысления, нравственной, правовой оценки, постоянной морально-психологической коррекции.

Сознание, а заодно и его соотношение с остальным миром – исключительно материальным, а быть может, состоящим из идеальных монад или представляющим собой «поток дхарм» или систему «эйдосов», отраженную в грубой материальной проекции, – интересовали человека с тех пор, как он противопоставил себя остальному миру, осознал, что является его частью, вместе с тем обладающей определенной автономией, самостоятельностью. Правда, почти сразу, с выявлением меры этой самостоятельности, возникла неопределенность, сложность и многозначность которой не всегда и не всем были заметны, но неизменно росли по мере очевидных успехов человека в раскрытии тайн отдельных проявлений и частных этой неопределенности.

Впрочем, это только стимулировало человека искать новые решения поставленных собой (или кем-то другим предписанных?) задач. Он упорно выстраивал системы знаний, позволяющих упорядочить собственное представление о мироздании и о себе – в нем. Так возникли различные формы освоения человеком действительности: от мифологии до науки. Собственно, появилось то, что определяет формы и качество актуализации сознания, его проявления как «вовне», так и «внутри себя».

Ценность знания – в его полноте, мере непротиворечивости, обоснованности, гармоничной взаимосвязанности общего и частного в нем. И хотя обоснованность и гармония (не говоря о преодолении противоречивости или, тем более, исчерпывающей полноте знаний) во многих случаях труднодостижимы, а иногда и недостижимы вовсе, здоровое стремление к идеалу – норма человеческого отношения к реальности, а также показатель эффективного глубокого сознания. И индивидуального, и коллективного, особенно в части полноты, всесторонности, тяготеющей к глобальности гармонии. В любом случае (и масштабе) целеустремленность, желание преодолеть трудности указывают на «субъектность» обладателя сознания, на его «человечность».

Это характеризуется познавательной и преобразовательной активностью, целеполаганием, самоконтролем, реализуемым мышлением – актуализированным функционирующим сознанием. Подобным образом обнаружило себя и человечество – способный рефлексировать коллективный субъект, представляющий цивилизацию. «Субъектность», как и «сознательность», в конкретных отношениях может оказаться довольно условной и в любом из своих значений определяет характер человечности с точки зрения гуманизма, человеколюбия, филантропии.

Причем в русской интерпретации, в сознании носителя русского языка, русской культуры «човеколюбие» и «филантропия» не совсем одно и то же. Если «човеколюбие» – скорее внутреннее состояние, свойство характера, неотъемлемая сторона человечности, то «филантропия» – в большей степени внешнее проявление человеколюбия, выражающееся в благотворительности, добровольных пожертвованиях, организации фондов помощи, волонтерском движении. Насколько справедливо подобное разграничение, вопрос отдельный, но оно демонстрирует элемент неопределенности в работе сознания. Оперирующее идеями, само оно далеко от идеала хотя бы потому, что идеала сознания, по всей видимости, существовать не может.

Любое сознание несовершенно. Это проявляется и в тех видах его активности, где требуются строгость понятий, однозначность выводов и решений. Так, выявление качеств «субъектности» и даже «круга субъектов» в такой сравнительно узкой прикладной области, как «...механизм конституализации уголовного права, в отечественной науке пока...» четко не определен [Гузеева, О. С., 2020, с. 172].

Недостаток знаний субъект – от индивида до государства, нации, религиозной конфессии – стремится компенсировать самооправданием или мифотворчеством в различных сочетаниях, причем желание себя априори простить, оправдать, освободить от ответственности более опасно, чем заполнение эпистемологических пустот фантазиями. Осознанно или неосознанно отдельный человек или целая держава себя оправдывают – не столь важно. Более существенно другое: самооправдание почти всегда направлено против других людей. Как ни парадоксально это выглядит, но и нравственно-когнитивные подтасовки, фактический самообман – тоже признак сознания (атрибута человека, который всегда – продукт культуры).

К сожалению (или к счастью – для каждого конкретного случая может быть своя оценка), понимания подобных противоречий, критической рефлексии достигает не всякое сознание. Однако попытка разобраться в себе, сделать объектом исследования и критики собственное сознание скорее полезна, чем... опасна. Но инструментарий для самоанализа (которым, в сущности, является любое рассуждение о сознании) должен быть самый лучший и, по возможности, разнообразный. А если этим инструментарием (объемом знания высокого качества, нужной совокупностью необходимых его областей, практическим опытом в данной области, навыками прогноза и т. п.) непросто овладеть, то стоит, как минимум, использовать универсальный «инструмент», квинтэссенцию достижений и выводов наиболее авторитетных исследователей по интересующему вопросу.

Теоретические основы. Методы.

Философия как универсальный инструмент осмысления и самопознания

Наиболее универсальной системой знания – как ни одна другая, свободная в выборе средств отражения, интерпретации, описания действительности, в том числе сущности и значения сознания, – считается философия. Философия – одна из немногих, если не единственная (во всяком случае из наиболее масштабных, объемных систем знания) форма осознанной целенаправленной саморефлексии. Философия как вид познавательной, творческой, культурно-воспроизводственной деятельности, модус органичной совокупности развивающегося знания, способ адаптации человека к природе, его самооценки, определения собственной социально-исторической идентичности – это продукт актуализации и воспроизводства сознания, его функционирования, развития, усложнения.

Разумеется, направленность философии «на себя» отражает лишь часть ее активности, жизни, воспроизводства. Однако проявление активности философии-субъекта по отношению к философии-объекту повторяет движение сознания «от себя к себе». Авторитетнейший философ Г. Гегель, рассуждая на этот счет, полагал, что «...сознание для себя самого есть понятие себя, и благодаря этому оно непосредственно есть выход за пределы ограниченного и, поскольку это ограниченное принадлежит ему, то и за пределы самого себя...» [Гегель, Г. В., 2000, с. 49].

В «самопознании» философия, возможно больше, чем любая иная форма осмысления действительности и освоения мира, являет собой актуализацию сознания и одновременно – его наиболее репрезентативную модель. Кажущееся удвоение смыслов, эпистемологическая тавтология на самом деле представляет собой фрагмент многослойности обобщающей бесконечной рефлексии. Соотнесение актуализации и моделирования сознания-объекта в череде актов фиксации миропонимания формирует условный третий слой самоанализа сознания-субъекта. И эта «двунаправленная» (вследствие если не случайности, то

субъективности выбора исходной точки и вектора развития анализа) редукция – скорее неизбежность и даже необходимость, нежели проявление недостатка средств выражения мысли.

Опыт теоретического исследования сознания, представляющего собой ключевой компонент делегированной мыслителям, ученым, философам культурно-исторической рефлексии человечества, видит «...роль сознания в организации общественного бытия человека, в исторической динамике его цивилизационного и культурного развития» [Грицанов, А. А., ред., 2001, с. 966]. Стремление упорядочить осуществление этой роли (и не только этой), добиться рациональной реализации функций сознания определило характер исследования и соотнесение сознания как явления с иными проявлениями бытия или – для условных «субъективных идеалистов» – порождений того же самого сознания.

Отсюда неизбежные сопоставления сознания и материи – идеального и материального, «пуруши» и «практити», «ян» и «инь», души и тела, формы и материи... Желанием повысить уровень эффективности своей деятельности обусловлена попытка оценить роль мыслительной деятельности человека, особенности и значение свойств его сознания.

Философия далеко не одинока в совокупности интересов своих представителей по отношению к сознанию. Относительно самостоятельных систем знаний, в которых исследуется сознание, достаточно много: в их числе не одна научная дисциплина. А тех областей знания, в которых важно так или иначе использовать результаты изучения сознания – его компонентов, функций, типологии, – еще больше. Сознание рассматривается в связи с этим с разных сторон. И выводы при этом получаются различные. Например, успешный в своей профессии практик и популярный автор З. Фрейд полагал, что быть сознательным – «...это прежде всего чисто описательный термин, который опирается на самое непосредственное и надежное восприятие» [Фрейд, З., 2002, с. 378], а в действительности «...состояние осознанности быстро проходит...» [Фрейд, З., 2002, с. 379].

Однако исследование «инструментария» – отдельный методологический вопрос, поиски ответа на который при определенных условиях могут стать и бесконечными вследствие постоянно развивающегося знания, технико-технологической базы исследования, социально-исторического опыта. И это повлияет на сознание. Этот труд несомненно даст если не непосредственно, то опосредованно позитивный результат, которым воспользуются другие субъекты, общество.

Между тем философия в силу своей специфики и принципов опирается на основные достижения: выводы всех видов и типов эффективных систем смыслов, всех наиболее важных способов освоения действительности – от мифологии до науки.

1. Микрорэкскурс в макросоциальную эволюцию

Эпохи сменяли одна другую. Борьба со стихией, дающая надежду на выживание, изобретательность, необходимость выстраивания постестественных отношений делали свое дело – выковывали характер человечества.

В отчаянной борьбе за выживание, в пламени локальных и глобальных распрей выплавлялась культура... и застывала под влиянием малых и больших ледниковых периодов – природных и мировоззренческих, технологических и художественных – относительно прочным фундаментом человеческой активности. Ощущение (в некоторых случаях и отношениях – иллюзию) надежности культурного опыта создавали «фрагменты культуры», приобретающие «устоявшиеся» сообразно конкретным историческим временам формы. Со временем они

все более детально фиксировались развивающимися областями знания, модернизировались различными «практиками», «упаковывались» историей в культурный «контекст» оставшегося в прошлом отрезка – непрерывной, не терпящей «окончательных» решений, «единственно верных» методов, «неопровержимых» субъективных выводов – эволюции. Тем не менее формы, модусы, правила, традиции, привычки, обретая «устойчивость», «застывая», становились технологичными с точки зрения возможности интерпретации заложенных в них смыслов, доступными для изучения.

Эти формы – след деятельной, со временем все более осознанной адаптации человека к космосу (определенным образом упорядоченному универсуму), который люди, накапливая опыт, а вместе с ним и самоуверенность, самонадеянность, вознамерились «перевернуть с головы на ноги». Возник замысел (приобретший статус гениального решения в некоторых умах, не замечавших в нем налета догматизма) подчинить действительность своим не вполне зрелым и осмысленным интересам, не вполне определенным целям. Человек решил, что имеет полное право преобразовывать доступную часть природы в соответствии со своими нуждами. В настойчивых попытках подчинить своим растущим потребностям законы природы он едва ли не повелел ей адаптироваться к общественному развитию. Реакция природы, не всегда явная, во многих проявлениях растянутая в человеческих столетиях, тем не менее вполне адекватна и небезопасна. Впрочем, человек создает себе достаточно проблем и в рамках общественных отношений.

Планетарные социальные сдвиги первой четверти XXI в. свидетельствуют о том, что, несмотря на стремительный технологический прогресс, совершенствующиеся параметры социальных связей, освоение людьми все новых природных ресурсов, небывалый рост коммуникационных возможностей, существенное повышение степени повседневного бытового комфорта большинства людей, их материального благосостояния, адаптация человека и человечества к новым непрерывно изменяющимся условиям (социоприродной реальности) трудна, как и прежде, а в некоторых случаях и трагична. Общество, государства, народы на пути к своим целям, как и раньше, сталкиваются с большими сложностями, опасностями, вызовами. Нередко цели, казавшиеся предельно желанными, главными, необходимыми, так и остаются недостигнутыми.

А может, цели эти были недостижимыми? То есть ложными? И «умение» человека «пользоваться» сознанием далеко от эффективности, а в некоторых случаях и вовсе утилитарно до примитивности?

2. Манипуляции сознанием – признак сознания

Целеполагание – несомненный отличительный признак и важнейшая функция сознания.

Общественное сознание может оказаться в заблуждении, в плену умелых манипуляторов. Контролирующим власть социальным группам, использующим человеческие слабости, ограниченное знание, культурно-исторические особенности социума, нередко удавалось подчинить «коллективный разум масс» системе мифологем, опирающихся на предрассудки, традиции, на авторитет вызывающих уважение (страх, обожание, заинтересованность, интригу и т. д.) личностей. Это позволяет убедить общество в реальности, возможно, и привлекательных, но на деле эфемерных перспектив, иллюзорных целей.

Иногда реальные, действительно важные цели общества если не полностью отсутствуют, то в сознании «способного мыслить объекта» – индивида, груп-

пы, сообщества, народа – с помощью хитроумных манипуляций отодвигаются «на задний план», любыми средствами обесцениваются. На их место с использованием всевозможных информационных средств (методы, технологии, идеологемы), транслирующих, распространяющих смыслы, помещаются яркие соблазнительные образы-приманки, сомнительные морально-эстетические и мировоззренческие ориентиры. В гипертрофированном виде предстают элементарные потребности, придается видимость огромной ценности бесполезным, а то и вредным пристрастиям, материальным и идеальным средствам индивидуальной или корпоративной репрезентации. Реальные цели и подлинные ценности человека и общества подменяются частными интересами или ситуативными задачами...

И тогда общество напоминает зверька в клетке: бессмысленно активного, не способного забыть своих инстинктов или отбросившего всякие попытки заботиться о себе, ведомого лишь необходимостью поглощения пищи и в любом случае покорно подчиняющегося внешним обстоятельствам. Но за безжалостным сжиганием общественной энергии стоит совокупность глубоко личных персональных интересов, отношений нескольких сверхвлиятельных групп людей, а значит, чье-то сознание. Точнее, взаимодействие не слишком сложных и немногочисленных, но цепких умов, жестких характеров, с недоверием относящихся друг к другу, но совместно добивающихся создания и распространения модусов типичного сознания. Один тип сознания – для тех, кому приходится что-то доверять, непосредственно поручать, с кого спрашивать, для тех, кто организует деятельность по реализации планов и желаний главных заказчиков. Другой тип сознания – для исполнителей (по возможности надежных, преданных) указаний идеологов, приказаний организаторов. Третий – для большинства манипулируемых сознаний. И все типы сознания должны быть «прозрачными», «проницаемыми», поддающимися сравнительно несложному воздействию.

Разумеется, это всего лишь модель. Но ее элементы нетрудно встретить в самых разных (исторических, геополитических, локальных, имперских, республиканских, демократических, монархических, светских, религиозных) системах реализации власти. Без манипулирования общественным и индивидуальным сознанием не обходится ни одна власть. Повышение сложности социума, его уровня технического развития, степени его суверенности и многие другие особенности и параметры социальных систем привносят в задачи, решаемые властью (государственной, местной, корпоративной), свою специфику. Принципы управления кардинально не меняются. Сам факт более или менее удачного воздействия на сознание – признак культуры, явление, отражающее черты, свойственные человеку, сколь бы печальным это кому-то ни показалось.

И все же продуктивнее сосредоточиться на оптимистичных обстоятельствах.

Не всяким сознанием манипулировать одинаково легко (или одинаково трудно). Чем сложнее сознание, чем больше у человека опыта, чем лучше он понимает закономерности окружающей действительности, причины и результаты социальных процессов и отношений, чем эффективнее пользуется достижениями культуры, тем сложнее заставить человека поступать вопреки собственной воле, своим интересам и целям.

3. Техничко-технологическое отражение сознания

«Техническое оснащение» общества как один из результатов культурного воспроизводства и актуализации сознания, результат наглядный, очевидный, да еще и демонстрирующий атрибутивность связи «материального» и «идеаль-

ного», как «инструмент» решения задач тоже используется для регулирования отношений, уточнения вопросов, интересующих людей, которые и есть общество. Инструмент «работает» во благо социальной системы в обществе с относительно сбалансированными интересами ключевых социальных групп: властных, наиболее активных и творческих, самых многочисленных и т. д. В условиях же острой конкуренции, готовой приобрести характер непримиримости, когда несовпадение интересов социальных классов, групп, страт достигает уровня, угрожающего перейти в стадию открытого столкновения, инструменты превращаются в оружие. Но даже и вне острой фазы противоречий эффективность любого «инструмента» существенно снижается, когда интересы основных социальных групп не совпадают. Это происходит по ряду причин, в том числе и потому, что ресурсы общества безграничны, «сжигаются» во внутренней борьбе или тратятся на то, чтобы удержать общество от конфликта или, например, от гражданской войны, от распада.

При несоответствии целей условно управляющих и управляемых, что особенно ярко проявляется при явном расслоении общества, и «техника» становится инструментом манипуляции, давления. Однако если «управляемый» разбирается в «технической составляющей» социума лучше «управляющего», эффект может быть не в пользу «управляющего». Правда, в этом случае результат, скорее всего, будет не в пользу общества. При этом субъекта интересует прежде всего его страна, те отношения, в которых он сформировался, которые он утверждает всей своей жизнью. Однако и само подобное соотношение социальных сил, интересов, уровней подготовки, опасностей, вызванных их «дисбалансом», отсутствием единодушия, эффективного взаимодействия, тоже характеризует различные стороны и составляющие социальных отношений и процессов.

Научно-технический прогресс меняет внешнюю сторону бытия общества. «Материально-инструментальная» – техническая, технологическая, оружейная – сторона общества, составляющая материально-производственную основу социального бытия и развития, сказывается в большей мере «на существовании» социальной системы (пользуясь языком М. Хайдеггера [Хайдеггер, М., 1993, с. 366], представляет «онтический» ее аспект), чем на ее «сущности» (онтологический аспект). Техничко-технологический компонент отражает прежде всего «фасад» общества. Однако и сущностные особенности общества техническое развитие также характеризует.

В конце концов и сущность, и существование общества, а также понимание их соотношения, демонстрирующего неизбежную многослойность, отражает мысль, а вместе с ней – существование и развитие сознания, его «жизнь».

Уровень и качество «технизации» общества определяются не только «планетарным» или «региональным» научно-техническим прогрессом, но и особенностями его мировоззрения (результатирующей взаимодействия миллионов мировоззрений), веками формирующимися принципами, мерой ясности и концептуальности миропонимания, разработанностью и степенью освоения методологий. Разумеется, не менее важно и обратное воздействие – влияние уровня технической оснащенности на мировоззрение, на трансформацию принципов, традиций и иные компоненты идентичности, общественной идеологии и психологии.

И все же сколь много места ни занимали бы приборы, устройства, средства коммуникации, приспособления в социальном воспроизводстве, как бы ни меняли они качество жизни, именно внутренний мир человека, то, что обозначается категорией «сознание», – рефлексивно-аналитический, эмоционально-об-

разный, концептуально-этический и иные «нематериальные» параметры человеческого, культуры – играет фундаментальную роль по отношению к внешней, формально-материальной стороне жизни людей.

Если (и когда) это соотношение меняется так, что формальная сторона становится преобладающей над идеально-сущностной, социальный субъект (общество или отдельный человек) теряет часть «человечности» вследствие снижения осмысленности своих предпочтений, целей, уникальности. Вынужденное подчинение молчаливому и даже вкрадчивому, но неуклонному диктату созданных человеком (отчужденных от него) технических инструментов, давно переросших в техносферу, для большинства «погруженных» в нее людей, групп и целых слоев, сословий, страт приводит к тому, что субъект, кто бы он ни был, утрачивает значительную часть своей «субъектности». На смену традиционному «отеческому» жизненному укладу многих членов общества приходит цепкая «железная» (в переносном, а во многом – и в прямом смысле) дисциплина техники в самом широком понимании.

Впрочем, техника – лишь оболочка, панцирь общества, средство реализации все большего объема капризов и действительно необходимых устремлений человека. Цели и характер ее использования играют большую роль в судьбе человека и человечества. Даже привычка может оказаться сильнее возможностей самой сложной техники.

И уж точно: часто человек, обладающий вполне определенным мировоззрением, оказывается самой главной причиной своих проблем и несчастий.

4. Маленькие уловки, большая западня или объективная неизбежность?

Настойчивое желание улучшить и обезопасить свою повседневную жизнь, повысить надежность своего жилища, эффективность своих действий позволило человеку развить свои познавательные-преобразовательные способности, создать «вторую природу». Однако несомненные достижения в стремлении к безопасности и технологичности на практике принесли не только удовлетворение, но и изощренную дезориентирующую самонадеянность, и другие вполне реальные проблемы.

Уже одно то, что столь желанный, в самом деле – необходимый, неизбежный и в определенном смысле достигнутый (не окончательный, промежуточный, отражающий некий этап истории) прогресс завел человека в созданную им же самим ловушку (возможность переложить ответственность и неприятные заботы на других людей, необязательность самостоятельно мыслить, принимать решения, планировать будущее, постоянно думать о своей защищенности), привело к потере важных качеств, навыков. Сила созданных человеком средств разрушения – от ядерного до эпидемиологического и психологического оружия – несет угрозу не только благополучию людей, но и существованию цивилизации. Человек всегда был и пока остается заложником собственной незрелости (в том числе нравственной), ограниченной способности видеть перспективу, стратегию развития общества, жертвой заблуждений относительно полноты и глубины своих знаний.

Диктат прокравшейся в миропонимание человека привычки облегчать свою повседневную рутину, избегать бремени труда (который со временем из обязательной составляющей образа жизни для некоторых превращается в презируемое бремя) поймал человека наживкой комфорта и внушил страх его потери. Погоня за удобствами, а не труд становится для незрелого сознания

нормой жизни. Человек все больше превращается в «системного» потребителя, променяв индивидуальность, неповторимые способности, искреннюю дружбу, радость творчества, осмысленного выбора своего пути на стремление быть «не хуже других», на примитивные зрелища, на преклонение перед равнодушной к индивидуальности, враждебной вкусу коварной модой...

Человек становится клеткой манипулируемой «массы», почти безликим нейроном среди миллионов ему подобных (которые, тем не менее, далеко не все безлики; но «потребитель-профи» этого не хочет, да и не может распознать, всех измеряя своим «аршином безвкусицы»). И вот он уже тяготеет к разумным порядком, но страшится и подлинной свободы, не представляя себя вне «контура внешнего управления». Но при этом склонен к экспансии и даже готовности расквитаться с тем, кто его контролирует (за что? Какая разница! Да потому что!). Он готов заставить работать вместо себя, но не ценит талантов других, не испытывает искренней благодарности. Подсознательно жаждет мифов, но не верит в искренность, легко поддается соблазну подмены смыслов идеологемами и презирает тех, кто указывает на этот его легковесный просчет.

В конечном итоге «масса» теряет «человечность», становится источником деструктивности, готовая, в зависимости от обстоятельств и манипуляций, либо впасть в социальный анабиоз предельной пассивности, либо превратиться в «критическую массу» социального взрыва. И все, «...что не масса, она ненавидит смертно», делится своими наблюдениями Х. Ортега-и-Гассет [2002, с. 366].

Примитивность мировоззрения, убожество или почти полное отсутствие рефлексии, т. е. фактически неспособность и нежелание использовать данный человеку разум, есть не что иное, как отказ от конструктивных перспектив культурной составляющей в пользу грубой натуры. Но не той точно подогнанной, выверенной, хотя и не наделенной смыслами, гармонии, которая сложилась до человека. Человек массы инстинктивно, но цепко держится за культуру. От нее такой тип индивида оставляет себе инструменты экспансии, орудия утверждения воинствующего невежества – технико-технологическую, вещно-орудийную часть культуры – самую простую, которая приводит его в восторг удобством использования, представляется ему самой необходимой и полезной.

Для каждого уровень постижимости культуры различный: одни используют для достижения своих целей ядерные реакторы, группировку искусственных спутников, парламентское лобби, коррупцию, всевозможные социально-технологические сети – от широкой сети СМИ и спецслужб до искусственных нейросетей; для других верх культуры – надежный «глок», «беретта», «узи»¹, придающие уверенность и иллюзию силы; или динамит, чтобы глушить рыбу, крепкий невод и катер с мощным мотором, способным оставить позади наряд полиции и патруль рыбнадзора. Освоенный технический компонент культуры подобный субъект («еще-субъект», пока в нем не угасло сознание и функционирует вторая сигнальная система) накрепко подчиняет инстинкту выживания и утверждения любой ценой воинствующего невежества.

Характер и мера (трудового, конструктивного) участия в создании долгосрочных условий собственного бытия, уровень творчества, способности разумных, соответствующих безопасности общества и развития культуры решений снижаются. Поиск неагрессивного решения проблем, не разрушающего среду обитания – общество, планету, природу, – для развития опыта созидания

¹ Названия популярных типов стрелкового оружия.

ния, взаимодействия, взаимовыручки воспринимается если не как глупость или пустая причуда «яйцеголовых слабаков», то как источник дискомфорта, раздражения. Ситуативные сиюминутные цели, временное благополучие, иллюзорные ценности, навязанные модели отношений закрывают реальные приоритеты, создают эффект «корректируемо-туннельного» социально-управляемого видения...

Сознание в этом сценарии деградирует, а с ним – и все человеческое.

5. Об идеале

О прогрессе культуры как о «принципиальном», «всеобъемлющем» прогрессе человечества при этом приходится упоминать с осторожностью. Хотя бы потому, что параметры, критерии, императивы такого «прогресса-вообще» неизвестны; туманны даже ближайшие ориентиры (особенно если о них не заботиться). Социальная практика, безжалостная и одновременно обнадеживающая в своей объективности история намекает на чрезвычайную сложность установления конструктивных рациональных отношений планетарного уровня – «вечного мира». Еще Эразм Роттердамский сокрушался, что «...люди сами ищут повод к войне. То, чем согласие крепится, они рушат или оставляют без внимания, а что ведет к войне, то они выпячивают и усугубляют» [Эразм Роттердамский, 2003, с. 51].

Идеал человека (отдельной личности) недостижим с любой точки зрения.

Ницшеанского сверхчеловека как гипотетическую модель придется сразу отбросить как нерабочую. Для начала (или наоборот: для того, чтобы положить конец ветви рассуждений), «белокурая бестия» уже «не-человек». И не потому, что обзавелся приставкой «сверх», и даже не потому, что «Бог умер» (это сделал за него его проектировщик, сознание которого, в конечном счете, померкло до физиологической кончины), а потому, что он, еще не родившись, намеревается поправить порядок, да и вообще культуру. Поскольку к тому же он не один (единственный экземпляр с любой точки зрения теряя всякий смысл), идеал уже сомнителен.

Религия претерпевает от самонадеянности. Богом быть нельзя. «Предприятый» вариант радикального духовного (по направленности, содержанию, результату – антидуховного) восстания, попытки сравняться с Создателем, приведший к нравственному падению, уже «реализован». Любой повтор невозможен – место Антихриста занято; возможна только вторичность (что уже не идеал, пусть даже «идеал наоборот»), бледная копия в данном случае наихудшего. Строгое следование за подлинным идеалом, за Субстанциональным Началом (что удастся единицам, по свидетельствам почитаемых священными текстов, постулирующих безальтернативность искреннего осознанного стремления преодолеть ошибки, изначальную греховность) указывает на неизбежность встраивания в созданную систему долга, любви, самопожертвования, служения. Тем самым предлагается наилучший из возможных вариантов самореализации души человека, его сознания. Этот вариант представляет собой предписанный, установленный (но так и не устоявшийся?) стереотип поведения, алгоритм «упаковывания» собственной судьбы в рамки конфессиональных представлений о действительности и должном в ней.

Противоположный подход, использующий опору преимущественно на рациональный анализ реальности, об идеале вообще не упоминает. И уже тем самым «генеральная» цель человечества, «стратегия» Земной цивилизации если (для кого-то из убежденных рационалистов) не растворяется, то приобретает смысла предельной условности, а то и морально-мифологического рудимента. Попытка

полного осознанного отказа от идеалов во всяком смысле (обретение «твердой» опоры на «грешной» земле, куда предлагается спуститься с облаков бесплодных мечтаний) заменяет генерализацию масштабности и стратегии генерализацией частности, сиюминутности. Диалектичность – принципиальная взаимосвязанность, подвижность, изменчивость частей и целого – заменяется прагматичной, методологической метафизикой. Мир распадается на отдельные части, связанные только интересами отдельного человека, который в одиночку мало что способен объединить, кроме собственных амбиций, подозрений, ошибок, обид, страхов, отчаяний... Попытка на подобной основе упорядочить социальную действительность (и все иное, что удастся хоть какое-то время хоть как-то контролировать) наглядно демонстрируется потугой глобализации мира на основе либеральных (частные интересы превыше всего) ценностей.

В самом деле сознание, стремясь упорядочить миропонимание и соответствующие общественные отношения, формирует систему принципов, императивов, норм, правил (которые тоже можно расценивать как движение к некоему идеалу). Однако известно немало фактов, когда некоторые (в отдельных случаях центральные, «краеугольные») из этих норм попираются вполне осознанно, «во имя...» чего-то «жизненно важного», ценного для ревнителя попираемых ценностей.

И все это – плод работы сознания, его «актуализация» на «пути к идеалу».

Сделано немало вполне искренних и результативных попыток разного рода и уровня рациональности раскрыть механизмы подобных противоречий. В том числе и в такой строгой и чрезвычайно важной для человеческих отношений области, как право. «Правовые правила», обладающие «ядром необсуждаемого смысла», тем не менее носят «оттенок неопределенности» [Харт, Г. А. А., 2007, с. 20].

Идеал сомнителен и в искусстве, и в «чистой» мифологии, не говоря об «обыденности» (в действительности очень важной для любого человека его повседневной «бытовой составляющей»).

С точки зрения философии достижение предела (даже предельного совершенства, если бы оно существовало) означает эволюционный тупик, невозможность дальнейшего развития, смерть, небытие...

6. Оптимизм и создание побеждают

К счастью, вероятность деградации сознания – далеко не самый популярный вариант представлений о перспективах человечества. И эволюционный тупик – не единственный тип практической проекции калейдоскопа мировоззрений. Неотвратимым считать ни то, ни другое не стоит. Есть и другие типы и соответствующие им пути развития культуры – общественно-исторического и социоприродного воплощения эволюции сознания.

Оно возникло в качестве уникального механизма адаптации и основного шанса на выживание среди более сильных видов животных – для одних; в качестве эксклюзивной способности – для других. Но в любом случае это произошло в доисторическую эпоху, на фазе формирования примитивного еще «полуживотного» коллективизма. По всей видимости, именно сознание позволило предкам человека не только выжить, но и создать культуру, дополняющую природу (природу). Это отразилось в способности все полнее фиксировать, усваивать, мультиплицировать, точнее передавать накопленный коллективными усилиями общества опыт. Опыт не исключительно практический, реализованный в системе инстинктов, отражающий трансформации физической составляющей, привычной для большинства видов живых организмов (формирования, совер-

шенствования, а иногда и утраты различных органов, чувств), а опыт возникновения, взаимодействия, использования, фиксации, долгосрочного хранения смыслов и, по мере развития, все более сложных систем этих смыслов.

Культура или, точнее, бытие в форме культуры привело к пониманию, что «не хлебом единым будет жить человек...»². А потом в разных вариациях и разных формах – от религии и искусства до рационального философского и научного знания – обладающие наиболее динамичным и «масштабным» сознанием люди пришли к выводу о неизбежности появления (в дополнение к созданным природой сферам, уже существующим) сферы разума. В. В. Вернадский назвал ее ноосферой, полагая, что это «...новое геологическое явление на нашей планете. В ней впервые человек становится *крупнейшей геологической силой*» [Вернадский, В. В., 1991, с. 241].

Социально-историческая практика дает достаточно примеров взаимосвязи параметров сознания субъектов общественных отношений и способности этих субъектов отвечать на вызовы цивилизационной эволюции; фактически исправлять огрехи собственного человеческого несовершенства, преодолевать политические, экономические, мировоззренческо-идеологические и иные социальные и макросоциальные противоречия. На новый уровень поднимается решение проблем и противоречий между обществом и природой.

Состояние индивидуального и коллективного сознания проявляется в самооценке того или иного субъекта общественных отношений, в способности его верно определять и эффективно решать задачи, позволяющие реализовать свои интересы, в идеологии, характере традиций, принципов, этических и иных норм и верности им, способности их соблюдения. Сознанием определяется состояние так называемого «духа» определенного субъекта – народа, нации, армии (или ее объединений, соединений, частей и т. д.), трудового коллектива, научного или творческого сообщества. От качества сознания зависит мера понимания собственной идентичности и следования ей.

В перспективе процесс более глубокого самопознания, направленного на более полное осмысление собственной сущности – своих действительно важных, а не навязанных внешними манипулирующими силами целей, средств и методов их достижения; принципов и правил взаимодействия между людьми и людей и природы, – может позволить решить сразу несколько взаимосвязанных задач.

Самопознание, т. е. познание собственной сущности, возможностей, реальных потребностей, перспектив развития, не может не учитывать среды, частью и порождением которой оно является. Это справедливо для любого миропонимания – материалистического или идеалистического, естественно-научного или религиозного, образно-художественного или рационально-практического. Даже в концепции «солипсизма» сознание оказывается зависимым от выстроенного им мира, как родители зависят от своих детей, которых они родили и воспитали по своим канонам, в меру собственного понимания реальности. Следовательно, внешняя среда – Мир, Космос, Вселенная, Природа, ... , – частью которой сознание является или, по крайней мере, во взаимодействии с которой постоянно находится, подлежит глубокому и всестороннему изучению.

Понимание ответственности перед другими людьми, выработка способа упорядоченности собственной жизни ради счастья и благополучия своих потомков

² Библия. Мф. 4:4.

ведут к развитию принципов морали и всего комплекса норм регулирования общественных отношений. Важным этапом этой трансформации станет понимание динамической соотнесенности развития практических отношений и теоретических представлений о гармонии и наиболее успешном регулировании. Направление совершенствования регулирования общественных отношений определяется стремлением максимально учесть совокупность взаимодействующих интересов индивидов и их сообществ в эволюционной перспективе. Мера и соотношение, с одной стороны, «гипотетичности», неопределенности и, с другой стороны, «аппаратно-инструментальной» точности (справедливости, эффективности) регулирования зависят от масштаба и периода целеполагания.

Одновременно эти процессы представляют собой основу и средство повышения «человечности».

Сознание как квинтэссенция социального опыта представляет собой результат утверждения в реальности и одновременно ресурс более эффективного включения в среду обитания, неизбежно усложняющуюся еще и в связи с развитием «второй природы» в реализации культурной экспансии. Из этого следует, что сознание как мера осознанности реальности и себя в ней обречено на развитие и, следовательно, на повышение в людях «человечности».

Для этого важно, как минимум, не дать себя обмануть, не допустить манипулирования собой «рационалистами», выдумавшими расовые теории, концепции «золотого» миллиарда и т. п. Не позволить утверждаться отдельной, идущей вразрез с объективной (единственной) истиной какой-то особой «истине», выведенной из интересов слоев, контролирующих ресурсы общества; или некой «частной истине» (например, «судебной»), в действительности не проверенной практикой. Важно научиться ставить на место любителей двойных стандартов, оправдывающих собственную бесчеловечность и клеймящих тех, кто защищает мир от их произвола. Словом, необходимо умело и активно противостоять тем, кто стремится подчинить мир исключительно своим интересам (интересам клана, корпорации) и сужает тем самым горизонты и естественное разнообразие культуры, делает более примитивными цели эволюции, а значит, «расчеловечивает» общество, дегуманизирует социальные отношения.

Конечно, противоречий культуры не избежать; развитие пронизано ими. Но есть возможность преодолевать и их. Так, культурная экспансия со временем должна приобрести форму культурно-природного равновесия, признаками которого станет переход от экстенсивного освоения мира (по крайней мере на планете) к интенсивному. Важно более полно продумывать вопросы снижения давления социума на природу. Доля интеллектуальной активности будет повышаться, и одновременно – за счет большей рациональности, более ясного понимания целей и интересов – снижаться материальное потребление. Образование, повышение уровня информированности, степень «просвещенности» станут одними из ведущих видов деятельности человека... Впрочем, это пока лишь приблизительные прогнозы.

Обнадёживает то, что и сегодня человеком многое делается в направлении гуманизации отношений, целей, интересов.

7. Примеры эффективности сознания

Активность здорового сознания рано или поздно дает позитивные результаты.

Примеров индивидуального деятельного творчества (не абсолютно самостоятельного, но преимущественно «авторского», основанного на особенностях личности конкретного человека) множество: известные мыслители, военачальники,

педагоги, медики, исследователи, инженеры, художники, ремесленники, земледельцы, животноводы... Даже области реализации их конструктивно настроенного сознания перечислить непросто. А уж назвать поименно продуктивных мастеров даже одной профессии, рода деятельности практически невозможно!

Позитивное, созидательно настроенное сознание проявилось не раз и на уровне взаимодействующих этносов, государств, держав, военно-политических и экономических союзов.

Греки, возглавляемые целеустремленным (обладающим особым модусом сознания, в которое сам Аристотель вложил значительную часть интеллектуальных достижений того времени, рационального, нравственного опыта современников) Александром Македонским, добились молниеносного по историческим меркам успеха. Помимо величайших завоеваний военно-политического характера они вольно (во всяком случае, в соответствии с частью намерений самого молодого и энергичного лидера эллинов) или невольно способствовали существенному взаимному обогащению целого ряда культур. То есть, несмотря на довольно грубую форму экспансии и неустрашимую при этом жестокость, свойственную битвам, столкновению непримиримых мировоззрений, во многих случаях и ситуациях беспощадные войны способствовали развитию и усложнению в людях человеческой составляющей.

Однако когда лидер как личность, а вместе с ним и его социокультурная стратегия перестали довлеть над его сподвижниками, «великая идея», с помощью которой удалось сконцентрировать в одной политической структуре практически весь известный на тот момент мир, потеряла первоначальное значение, перейдя в статус своеобразной утопии, каприза повелителя, причуды сверхэнергичного властного романтика. Сознание самых надежных сподвижников Александра, первых помощников актора первой «европейской» империи, в сравнении с его интеллектуально-волевыми параметрами оказалось более обыденным, прозаично-приземленным, утомленным не свойственными среднестатистическому античному разуму масштабами. Они были готовы владеть, подавлять, конкурировать в большей степени, чем рефлексировать и созидать. И империя мгновенно распалась...

Античный Рим, вожди и граждане которого были убеждены в превосходстве своего порядка над идеями, планами, претензиями любых иных народов, государств, столетиями неумолимо двигался к социальному доминированию, добиваясь все больших успехов в разных областях культуры. Однако убежденность, подкрепляемая непрерывным трудом, риском, готовностью к жертве ради великой идеи и статуса социальной доминанты, постепенно превратилась в привычку, в капризное ожидание собственного доминирования по одному лишь праву римского гражданства. И даже редуцировалась в неэффективное нравственно-историческое притязание, в примитивное требование «хлеба и зрелищ». По всей вероятности, такой тип сознания был более свойственен западной части некогда великой империи. Восточная ее часть, в том числе и благодаря принятому в качестве базового христианскому мировоззрению – православию («ортодоксального», по западной классификации, образца), гораздо дольше сохраняла свою жизнеспособность.

И в первом (Александр Македонский), и во втором (Древний Рим) случаях главную роль сыграли не производственные, управленческие или юридические технологии, не развитие инженерной мысли и социальной инфраструктуры, а состояние, характер, направленность активности сознания наиболее влиятельных участников общественных отношений данной социальной системы. Разу-

меется, дополненные, подкрепленные практической реализацией работы передового сознания той поры.

Подобных примеров в истории было немало: от неудержимой экспансии степняков до североамериканской гегемонии. И в любом из них сознание людей, его состояние в конечном итоге оказывалось главной детерминантой социальной эволюции конкретного социального образования.

Российский пример историко-культурного коллективного созидательного творчества столь же подчинен объективным законам (как и достижения других народов), сколь и специфичен, как неповторим путь развития любого другого народа, государства, модуса культуры. Пронизывающий более чем тысячелетнюю историческую экспозицию формирования, самоосознания, воспроизводства русского мира «отечественный тип сознания» условен, многолик, основателен.

В «мгновении» жизни одного поколения, в кратком историческом отрезке развития общественных процессов, когда они поддаются осмыслению отдельного человека, их свидетеля и участника, «отечественное сознание», особенно типы его индивидуальных проявлений, может быть, мало отличается от сознаний, сформированных другими культурами, которые, в сущности, не хуже и не лучше русского. В русском мировоззрении немало противоречий, но взаимопроникновение русской культуры и сотен других культур сквозь века не умножили их, а сформировали культуру современной России.

Иные культуры русской не подавлялись. И это несмотря на то, что к принятию русской политической и экономической парадигмы в качестве ведущей носители некоторых других культур приходили через военное принуждение. К счастью, во многих случаях удавалось обходиться и без авторитета силы русского оружия. Доброе отношение к народам, пополняющим семью формирующейся русской нации, сделало свое дело. Поэтому чувство «русскости», не вытесняя собственных этнических корней, особенностей, вполне уживается в сознании представителей других народов и народностей, составляющих Россию.

Правда, у русской лояльности к другим культурам, народам, государствам есть и некоторый негативный эффект. Искренняя симпатия к иным культурам, бескорыстная готовность участвовать в судьбах других народов, помогать им справляться с трудностями, а иногда спасти от гибели воспринимаются другими государствами (отчасти и народами) как слабость, неразумность. Те, ради кого Россия жертвовала, кому помогала, почему-то считают возможным отвечать ей неблагодарностью за помощь и жертвы народов России ради других.

Впрочем, этот феномен заслуживает – а в интересах безопасности, устойчивого прогрессивного развития России даже требует – отдельного осмысления. Теперь же стоит ограничиться предположением о том, что такое поведение подчинено объективным закономерностям. Оно отражает вполне логичные результаты актуализации как одного – русского, так и другого – проявляющего пренебрежение к русскому – сознания.

В любом случае разные типы сознания, проявляясь через практику социальных отношений, «демонстрируют» человека во всем его многообразии и, увы, несовершенстве.

8. Инструмент, ставший сущностью

Что бы ни говорили о жизни общества, в описании или анализе общественных отношений, человеческого поведения, результатов социальной совместной и индивидуальной активности речь идет о сознании, работе ума. Если рассуждения не касаются мыслительной деятельности непосредственно, то в них

предполагается осмысленность социальных процессов, достижений, промахов. При этом рассуждения все построены исключительно на формах мышления – понятиях, суждениях, умозаклчениях, проблемах, гипотезах, отражающих работу сознания и ему же адресованных.

Практические аспекты активности человека во всем их многообразии не в меньшей степени связаны именно с его сознанием. Между тем поведение животных, невозможное без работы их головного мозга и нервной системы, традиционно не принято объяснять сознанием. И человек, имеющий немало общего с животными, тоже может действовать, подчиняясь инстинктам, эмоциям, привычкам. Так или иначе, сознание не тождественно лишь работе головного мозга, а тем более нервной системы.

Способность воспринимать и генерировать смыслы, оперировать ими, соотносить с действительностью и использовать в предметно-практической деятельности – то, что привычно называется сознанием, – присуща только человеку! По крайней мере, из всех других форм жизни, а значит, и всех форм материи, материальных систем, отношений, процессов сознанием обладает только человек. Веских оснований, а тем более неопровержимых подтверждений обратного на данный момент не существует.

Сознание возникло как «средство», необходимое в борьбе предка человека за место в природе, в поисках средств, обеспечивающих выживание. Это позволяет считать сознание своеобразным инструментом, компенсирующим недостаток выносливости, остроты зрения, обоняния, силы мышц, прочности клыков, когтей, кожного покрова... И, по всей видимости, на начальном этапе становления человека как продукта культуры, на тот момент лишь возможной, неразличимой в постоянных схватках со стихией, непрерывной конкуренции с другими видами живых существ, сознание играло еще не понятую им самим, не осознанную роль *одного из* инструментов выживания в природе.

Практика показала, что сознание – способность придавать фрагментам и состояниям внешнего мира смыслы, выявлять их свойства, параметры, особенности, наделая все обнаруженное именами и затем фиксировать в знаковой форме (абстрактно мыслить), накапливая знания и опыт, наконец, пользоваться этим опытом по своему усмотрению – оказалось более мощным (нематериальным, условно-идеальным) инструментом освоения действительности, чем все остальные (физические, условно-материальные) способности, вместе взятые. По мере совершенствования форм мышления и технологий его отражения в усложняющихся системах знаков сознание крепло, повышая свою роль в адаптационных решениях, процессах повседневной жизнедеятельности.

В итоге сознание – нечто большее, возможно, и существенно большее, чем просто мыслительный аппарат, устройство, манипулирующее знаками, управляющее процессами, – превратилось в главную отличительную особенность человека, атрибутивное свойство. Появилась возможность рефлексии, самопознания. У многих представителей общества эта способность реализовалась, став привычкой и необходимостью. Некоторые из людей проявляют особые склонности к мыслительной деятельности, демонстрируя выдающиеся по эффективности способности к анализу, высокую результативность познавательной деятельности, умение анализировать информацию о природе. У других особенно хорошо получается комбинировать подмеченные смыслы, наглядно и ярко их демонстрировать в особой, например художественной, форме. Третьи, четвертые, пятые... проявляют смекалку и очень точный расчет в каком-либо специфическом виде деятельности, необходимой в той или иной профессии.

Но все типы мыслительной деятельности сходны в том, что они представляют собой проявление сознания или «сознаний», неодинаковых по содержанию и преобладающим в них процессам. Все подобные проявления свидетельствуют об активности их обладателей – людей, лишняя раз подчеркивая атрибутивность сознания для человека. Индивид, по тем или иным причинам теряющий рассудок, становится слабее (и для природы, и для общества бесполезнее) любого живого существа, теряет «человечность».

Однако снижение «уровня человечности» в больном человеке не находит оправдания бессердечности тех остающихся в здравом уме субъектов, которые не по-человечески относятся к таким несчастным.

Отдельная тема – умышленная дегуманизация – о том и о тех, у кого есть конкретное имя, адрес, гражданство, мировоззренческая и идеологическая платформа, кто осознанно отказывается в «человеческом» людям, назначенным им самим в «недочеловеки» или записанным в злобные нелюди по его собственной прихоти. Происходит ли это на основе безнравственности, невоспитанности, зависти, злобы, идеологической пропаганды или по какой-либо иной причине – другой вопрос. Но и эти нравственные вывихи сигнализируют нам о том, что этот субъект с явными моральными или психическими отклонениями обладает пусть особым, но сознанием и он тоже человек.

Сознание как сущность человека и одновременно как инструмент представляет собой «продукт двойного назначения». И в той и в другой роли (на практике неразделимых, условно демаркированных в когнитивно-эпистемологических целях) сознание остается самым главным и наглядным маркером человека.

9. Асинхронность процессов эволюции социума, проекций сознания

Одно сознание отличается от другого и развивается в чем-то типично, повторяя путь, многократно «пройденный другими сознаниями»; а в чем-то особенно, уникально. Развитие каждого индивидуального и любого коллективного сознания связано с эволюцией окружающей среды. На него влияют процессы и состояния природы и климата, в которых живет человек; что, в частности, отразилось в так называемом географическом детерминизме. И в еще большей степени сознание обусловлено особенностями и трансформацией общества, характеристиками искусственно созданной им среды и их изменениями.

Стоит подчеркнуть противоречие или эволюционную асинхронность трансформации интеллектуально-нравственно-психологической составляющей бытия человека и общества, с одной стороны, и всех остальных сторон культуры и параметров социума – с другой. Имеется в виду не только исключительно «техническая», «орудийная» сторона жизни, функционирования, развития социальной системы, но и вся практика, связанная с развитием «вещественно-материальных» составляющих общества и опирающаяся на технику и технологии решения политических, экономических, военных, экологических и других вопросов. Однако в целях более наглядной демаркации сознания (проявляющегося, например, в концепции И. Канта в качестве «чистого разума» [Кант, И., 1999, с. 67, 304, 309, 531]) с остальными проявлениями общества удобно сопоставлять сознание, представляющее собой нематериальный атрибут человека, с техникой – атрибутом материальным.

Техника, «вторая природа», демонстрирует неоспоримый прогресс, скорость и масштабы которого до XXI столетия неуклонно возрастали. Нравственность, психологическая устойчивость, способность к самоконтролю человека не проявляются так однозначно. Что касается их принципиального

совершенствования, то оно и вовсе сомнительно. Человек третьего тысячелетия новой эры так и не может избежать примитивных и отнюдь не безопасных для него соблазнов, легко поддается манипуляции. Он, как и прежде, во многих ситуациях готов забыть о достоинстве и приличиях ради сомнительных ценностей. Он может потерять и «человеческий облик» или, сохранив его внешне, соблюдая формальные правила (которые может и поменять довольно легко, если обладает подобными полномочиями) в своих интересах, по сути, может оставаться чуждым эмпатии, совести, стратегическому мышлению. Ведь предметно-вещная составляющая его жизни преобладает над нравственно-интеллектуальной.

Но и это есть проявление качества сознания, сознания, в определенном отношении неразвитого и, как ни парадоксально, «осознанно» отвергающего «человеческое» в себе. Ничего не поделать. В конце концов, насколько социум – проекция и результат активности сознания, настолько и сознание – результат жизнедеятельности и проекция социума.

Сознание – атрибут бытия человека. Это неотъемлемое свойство не только и не столько биологически активного организма, осознающего свою особость, «отдельность» от остального мира, соотносительность с внешним (всем остальным) миром. Сознание – результат и основа культурной проекции субъекта в его специфически-гуманистическом проявлении. Роль сознания в характеристике человека (индивида, личности, коллектива, сообщества, народа) усиливается тем, что его состояние (совокупность параметров сознания: условно – зрелость, ясность, активность, творчество, избирательность, конструктивность и т. д.) наиболее точно отражает меру «человечности» конкретного субъекта общественных отношений.

10. Дар или наказание?

Утверждение, согласно которому сознание отличает человека от животного, справедливо, как минимум, с «человеческой» точки зрения. А иная точка зрения человека интересует? Когда он понукает лошадь, заставляя ее тащить тяжелый плуг, или прищипоривает скакуна, заставляя его нести себя в пекло сражения? А может, когда сажает собаку на цепь, или заставляет ее бросаться в драку с более крупным зверем, или даже пытается использовать ее в качестве дрессированного одноразового транспортного средства, доставляющего взрывчатку прямо под вражеский танк? Звери в зоопарке или в цирке тоже вряд ли попали туда потому, что человек пытался занять «их сторону», взглянуть на жизнь «их глазами», не говоря о тех из них, которых за последние столетия человек тысячами изводит в экспериментах... И какая из сторон «счастливее», какая меньше подвержена стрессу во время «взаимодействия», в результате этого взаимодействия?

Более или менее определенно можно сказать лишь о том, что ученых интересует многое в животных. Также ясно: большинство людей понимают, что животных необходимо беречь, как и природу в целом. Наконец, немало тех, кто понимает, что человек должен к животным относиться «по-человечески» хотя бы ради себя, чтобы не потерять человеческий облик.

Правда, и такие непротиворечивые суждения порождают массу вопросов. Например, а как это – «по-человечески»? А где пролегает или должна пролегать «граница милосердия» и по отношению к кому? Например, в тех же научных экспериментах с животными, проводимых, правда, почти всегда в интересах человека или в войне против другого социума... Или каково в любой из подоб-

ных ситуаций, возникающих между людьми или между человеком и природой, соотношение нравственности, рациональности, традиций, привычек, закона?

У животных ни этих, ни вообще каких-либо вопросов не возникает.

Что до людей, то некоторые из них к подобного рода комплексам взаимосвязанных ощущений – целей – решений – действий – проблем, которыми наполнена человеческая жизнь, относятся спокойно, понимая, что любое достигнутое решение влечет за собой, как минимум, новые вопросы и необходимость принятия новых решений. Порой вопросов возникает много больше уже решенных; нередко и самые настоящие проблемы...

Другими словами, неизбежность прогрессивного роста вопросов, проблем, загадок – данность социальной активности. «Обычная» объективная данность, при всей ее неустойчивости, динамичности, неопределенности и даже небезопасности. Такая же данность, какой является отсутствие (есть ли тому безусловные подтверждения?) у животных анализа совершенного, целеполагания, угрызений совести, ощущения греха, страха пророчества и тому подобного. Поэтому не может возникнуть у животных и «вопросов», что вовсе не мешает проявлению их любопытства, поиску решений, преодолению трудностей при достижении некой цели и т. д. Следовательно, животное не переживает прошлого, не страдает относительно своих промахов, ошибок, его не мучают страхи перед неизвестным, полным угроз (которые изо всех сил генерирует и «артикулирует» человек) будущим. Жизнь животного органично встроена в систему природных процессов.

У человека – иначе. Способность блаженствовать, утопая в приятных воспоминаниях, с энтузиазмом ожидать события, обещающего наполнить жизнь восторгом, значимостью, радостью, восхищаться в настоящем виртуозным хитросплетением научных или художественных смыслов, остро ощутить миг счастья, гордость сопричастности к величию сообщества-победителя, осознавать собственное достоинство и правоту – все это не дано человеку безусловно. В «нагрузку» к основаниям счастья человеческое сознание отягощено неопределенностью, границами опыта – индивидуального и общественного, возможностью недоверия к другим людям, неуверенностью в себе и многим другим, что способно омрачить жизнь любого индивида. Те же память, воображение, возможность анализировать, предвидеть, конструировать и другие преимущества сознания оказываются не только бесценным даром, но и обременением. Помимо предрасположенности к радости, счастью, восприятию красивого, остроумного человек обременен массой поводов для неоправданных переживаний, лишних страхов, причин неверной оценки своих возможностей в ту или другую сторону, неправильных решений, самоедства и т. п.

В различных формах фиксации опыта, достижений человеческого разума, особо развитых способностей (у каждого различных), эмоциональных импульсов, отражений реальности скрываются сопоставления людей разного уровня интеллекта, «тонкости» склада ума, предрасположенности к рефлексии. Человек с большим опытом рефлексии – ученый, философ, хорошо образованный, опытный руководитель, педагог, врач, священник, художник, мастеровой и даже просто по-настоящему любознательный человек, – любой тяготеющий к системному анализу, к ощущению прекрасного ведет более интересную жизнь, обладает сложной, достойной изучения судьбой, оставляет след в культуре, истории, памяти многих людей. В отличие от них люди, мало знающие, безынициативные, погруженные в рутину, живущие одним днем, зачастую не по своему желанию, подходят больше на роль представителей человеческой массы

в стиле понимания Х. Ортеги-и-Гассета. Считается, что люди развитые, разносторонние, творческие (те, которым, как иногда говорят, «много дано»), помимо прочего, подвержены и большим переживаниям, нравственным страданиям, иногда чуть ли не до самоистязаний. Люди с более простым складом внутреннего мира, со сравнительно менее развитым сознанием страдают (якобы) гораздо меньше.

Подобные наблюдения и «выводы» считать абсолютно верными не стоит, как нельзя и думать, что они совершенно безосновательны. Есть причины видеть различия между людьми условно более «сложными» и условно более «простыми», не учитывать этого нельзя. В том числе и то, что высокая мера осознанности своего бытия, способности к анализу, творчеству и другие признаки «сложности» делают жизнь их обладателей не только разнообразнее, интереснее, ярче. «Сложность» и «опыт» приносят не только блага, но и дополнительные испытания, искушения, проблемы и даже страдания. В то же время это не указывает на отсутствие чувства прекрасного, ярких эмоций, переживаний у человека, менее развитого в интеллектуальном смысле, обладающего меньшим эстетическим опытом. Просто переживания, положительные и отрицательные эмоции у людей разные по качеству, формам проявления, интенсивности, длительности, остроте. А также и по последствиям для нервной системы, здоровья, мировосприятия...

Вероятно, в той или иной мере поддаются сопоставлению мировоззренческие основания, вытекающие из них модели поведения, а также и результаты такого поведения, отразившиеся на коррекции миропонимания, эмоционально-психологического состояния, здоровья и т. д. человека (условно) более совестливого, ответственного, порядочного, с одной стороны, и (условно) более беспринципного, циничного, эгоистичного, бессердечного – с другой. Однако в данном случае ограничимся лишь замечанием о том, что мнение, будто эгоисту и цинику легче жить, однозначно разделять вряд ли стоит.

Точно «измерить цену» того или иного отдельного акта активности, типа поведения для его носителя непросто. Элементы «цинизма», «сухости» (например, врача, военного, юриста), кажущиеся очевидными с чьей-то точки зрения или в данный момент времени, могут быть проявлением ответственности, милосердия, иногда единственно возможными. И «добросердечность», «сопереживание» могут оказаться бесполезными для объекта переживаний, а то и вредными.

Добавим: трудно проследить долгосрочные стратегические последствия разных типов мировоззрения и моделей поведения. Действует и фактор принадлежности к одной общности (родственники, земляки, коллеги, представители одного сословия или класса, граждане одной страны), и противопоставление себя другой «чужой» общности: к одним человек относится ответственно, совестливо, к другим – враждебно. Наконец, в данном случае мера человечности в качестве нравственной характеристики и человечности, определяющей меру использования сознания, его сложность (или изощренность?), уровень интеллекта конкретного индивида, – не одно и то же, хотя, несомненно, связанные между собой свойства людей.

Во всяком случае совесть, ответственность, достоинство, человеколюбие делают жизнь человека, по меньшей мере, более насыщенной переживаниями и делами, более сложной. Последовательное соблюдение нравственных норм, как и любых других норм поведения и взаимодействий, созданных обществом, требует сил, времени, энергии, нередко и материальных затрат, и даже здоровья. Жизнь в обществе и вообще жизнь – испытание. Но человек формировался, становил-

ся человеком именно в испытаниях и благодаря им. Жертвенность, долг перед обществом, трудолюбие, умение действовать в команде, коллективизм в широком и позитивном смысле, способность прощать ошибки, слабости других людей представляют собой необходимые условия взаимодействия в социальной системе. И все это осуществляется осознанно; по крайней мере, со стороны организаторов, личностей, определяющих основные настроения общества.

Таким образом, сознание не дар и не наказание, а данность, необходимое свойство человека и условие общественной эволюции, развития культуры. И все же, если пытаться делать пусть условный, но выбор, взглянуть на соотношение обстоятельств по возможности объективно, но непременно с точки зрения интересов человека, культуры, сознание следует признать в большей мере даром, чем проблемой. Но это не просто дар, а необходимость, единственная возможность спасения человечества, способность, которой нужно научиться соответствовать. Дар, который однажды, если не научиться его ценить, не стремиться как можно более умело, бережно, с пользой для общества, цивилизации владеть им, может оказаться чекой, кощевой иглой, даже краткая утрата контроля над которой не только станет потерей человеческого облика и сущности отдельным индивидом, но и окажется роковой для многих, вплоть до вероятности финала проекта «человеческая цивилизация»...

11. Важнейший объект исследования

Вопросы методологического характера, без которых невозможно сколько-нибудь глубокое исследование, связанные с вниманием к феномену сознания, с оценкой его активности, целесообразно объединить в несколько групп, объем и содержание которых обусловлены интересами, опытом, целями исследователя. Но и после такого осознанного в меру волюнтаристского ограничения, при мало-мальски серьезном исследовании, предполагающем комплексность, многосторонность, применимость результатов в практической деятельности и дальнейших исследованиях, различных групп вопросов относительно предмета исследования останется немало.

Например, проблемы уникальности сознания, его структуры, возможностей, границ, составляют (лишь) условно фундаментальный уровень проблематики сознания. Каждая из названных проблем многослойна, имеет немало частных вопросов, проекций, уровней, аспектов. Кроме этого, специалистов самых разных сфер деятельности интересуют вопросы практического характера: от возможности погружения в источники и процессы так называемых «душевных» болезней людей до возможности требуемой «настройки» и «перестройки» индивидуального и массового сознания.

Так, одно из ключевых мест в рефлексии человека занимает вопрос о происхождении сознания. То же можно сказать о «рефлексии человечества» – продолженной в истории, реализуемой в религии, философии, искусстве, науке «макрорефлексии», которая в определенной мере составляет (порождает, формирует, актуализирует) смыслы социальной эволюции.

С проблемой происхождения сознания тесно связаны вопросы взаимообусловленности генезиса общества и генезиса сознания. Нет принципиальных препятствий для вывода о том, что эти процессы взаимосвязанные. Хотя, возможно, возникновение общества и сознания точнее считать «сторонами» одного и того же процесса. Однако определенной части человечества удобнее признать, что сознание – «разовая» целенаправленная «опция», «доработка» автора (создателя, инженера, экспериментатора) человека в его привычном для нас виде.

К частным проявлениям попыток интерпретации сущности сознания можно отнести различные модусы представления о «самостоятельности» (в некоторых случаях самодостаточности) сознания, его превалирования над подконтрольной ему материально-биологической составляющей человека на протяжении осознаваемого отрезка его жизненного воспроизводства. Самыми распространенными, существующими многие тысячелетия представлениями следует считать различные модусы о существовании и роли души человека.

В последние десятилетия распространились гипотетические концепции о сознании как своеобразной «программе», которой наделяется биологический организм (пользуясь современной терминологией), «загружаемой» в «живое устройство». Наваянный техногенно-цифровой средой – океана бесконечно множащихся, нередко не связанных (непосредственно, явно, однозначно) с реальностью и один с другим смыслов, – вывернутый наизнанку и устремленный вспять, навстречу образцу (контр-)антропоморфизм вычерчивает виртуально-правдоподобную картину-квест (тест на лояльность и стрессоустойчивость мировоззрения машинной экспансии), в котором сознание представляет собой своеобразный интерфейс удаленного сервиса – Космоса в киберэкспансивном смысле, Абсолюта, редуцируемого идеально-теологическим тезаурусом к высшему трансцендентному началу, Мирового разума в абстрактно-рациональной интерпретации или устройства экспериментатора-манипулятора более развитой разумной цивилизации.

Все подобные представления связаны с работой человеческого сознания. Некоторые являются «обычным» запланированным плодом активности специально подготовленного и настроенного сознания, следствием которой становятся в одних случаях гармоничные совокупности художественных образов, в других – системы логических смыслов, в третьих – алгоритмы инженерных решений, в четвертых – сети пропагандистских идеологем. Подобная, а со временем и более пестрая по формам, целям, методам работа сознания, по всей видимости, не будет ослабевать.

Так или иначе, перед человеком стоит задача эффективного использования самого доступного и действенного инструмента осмысления и освоения действительности, самого надежного средства формирования и оценки своего отношения к бытию и себе самому, обеспечения своей безопасности, уровня гармонии с окружающим миром. Человеку важно как можно более глубоко исследовать собственное сознание, научиться как можно лучше управлять им, реализовывать и развивать его возможности. Это позволит отчетливее понять собственные способности, интересы, цели.

Обсуждение и заключение

Процесс более полного овладения сознанием автоматически развивает и усложняет сознание уже потому, что открывает и актуализирует его возможности. Еще одна сторона этого процесса заключается в повышении меры «человеческого» в системе свойств человека, в его сущности.

Этот вопрос одинаково актуален для ученого и политика, фермера и слесаря, художника и врача, педагога и психолога, военного и юриста. Совершенствование осознанности собственного бытия – задача, которую важно постоянно решать и отдельному индивиду, и обществу, представленному в международных отношениях государством. Чем более искусно субъект любого уровня овладевает технологией мышления, анализа обстановки, рефлексии, определения целей и задач, принятия решений, накопления опыта, гармонизации

внутренних и внешних связей, тем более высока вероятность его успешного существования, тем меньше шансов у субъектов-конкурентов, субъектов-соперников, врагов использовать его возможности в своих целях, вопреки его собственным интересам, во вред ему, тем сложнее разного рода недругам манипулировать им.

Особенно остро такая проблема стоит сегодня перед Россией.

Наш народ стал в определенном смысле заложником кризиса культурно-исторического развития. И тем заложником, о котором говорит Ж. Бодрийяр, исследуя проблему фатальных стратегий [Бодрийяр, Ж., 2019, с. 66], когда каждый становится заложником каждого, ответственным головой за все риски и промахи государства, объектом внешней экспансии и превращается в мишень для терроризма. И тем, которого описывает Дж. Родари в сказке «Волосы великана», в которой никчемные, бездарные и, в сущности, слабые братья сумели заставить работать на себя большого сильного брата, до поры до времени стараниями нечистоплотных братьев не способного осознать своего ущербного положения.

Народ России не в первый раз стал заложником не только несовершенства общества и государства, но и собственного несовершенства, в том числе неразборчивости, излишней доверчивости, внутренней разобщенности, недостаточной образованности, просвещенности, грамотности, необоснованной уступчивости. Таким образом, помимо прочего, социальной системой не используется должным образом значительная часть главного ресурса общества – людей, которые его составляют. А любой неиспользованный ресурс, как минимум, снижает возможности социума, его силу, а также увеличивает нагрузку на законопослушную часть граждан государства, т. е. на большинство общества. Подобную многослойную зависимость невозможно выдержать долго, с какой бы точки зрения эта проблема ни рассматривалась.

Наиболее эффективно рефлексирующие представители России, глубоко изучающие состояние собственной социальной системы, ее историю, глобальные мировые процессы, вынуждены признать, что общество, сумевшее создать самую большую по территории и природным ресурсам страну мира, в конце XX столетия попало в зависимость от далеко не миролюбивых субъектов международной жизни. Это очень дорого обходится народу России, понимание этого наносит глубокие травмы общественному сознанию, ранит достоинство и самолюбие каждого патриота. А понимание того, что недруги «русского мира» не спешат расстаться с возможностью диктовать России условия взаимодействия, стремятся восстановить сравнительно несложный доступ к ее ресурсам, заставляет пересмотреть и существенно изменить отношение и к себе, и к своим оппонентам по мировому сообществу. В конце концов экспансия, направленная против Отечества, – это угроза непосредственно и именно составляющим его людям. Сохраняющийся многие годы «несимметричный» характер отношений России с частью мира, высокомерно считающей себя «развитой», сделал цинизм со стороны западных стран по отношению к российским интересам чем-то само собой разумеющимся. Понимание того, что наступил решающий момент в судьбах России и всего мира, ощущение близости трагической развязки делают неотложной задачу эффективного владения собственным сознанием, скорейшего принятия нестандартных действенных решений, позволяющих в кратчайший срок восстановить полный суверенитет над всеми процессами внутренней и международной жизни страны.

И эта борьба, несомненно, не только сделает более человечным российское общество, но и будет способствовать повышению человечности всего мира!

Список источников

- Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / пер. с фр. А. Качалова ; науч. ред. Д. Дамте. М. : РИПОЛ классик : Панглосс, 2019. 319 с. (Сер. «Фигуры философии»). ISBN: 978-5-386-10333-0.
- Вернадский В. В. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 271 с.
- Всемирная энциклопедия: Философия / глав. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. М. : АСТ ; Мн. : Харвест : Современная литература, 2001. 1312 с. ISBN: 5-17-007278-3.
- Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа. М. : Наука, 2000. 495 с. (Сер. «Памятники философской мысли»). ISBN: 5-02-008380-1.
- Гузеева О. С. Субъекты конституализации уголовного права // Правосудие. 2020. Т. 2, № 2. С. 170–194. DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.2.170-194.
- Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. яз. М. : Наука, 1999. 655 с. (Сер. «Памятники философской мысли»). ISBN: 5-02-008366-6.
- Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : пер. с исп. М. : АСТ, 2002. 509, [3] с. (Сер. «Philosophy»). ISBN: 5-17-007796-3.
- Фрейд З. Психология бессознательного. СПб. : Питер, 2002. 400 с. (Сер. «Мастера психологии»). ISBN: 5-94723-092-5.
- Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии // Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 361–381.
- Харт Г. Л. А. Понятие права : пер. с англ. / под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. 300 с. ISBN: 978-5-288-04211-9.
- Эразм Роттердамский. Жалоба мира, отовсюду изгнанного и поверженного // Трактаты о вечном мире / сост. И. С. Андреева, А. В. Гулыга. СПб. : Алетейя, 2003. С. 29–59. ISBN: 5-89329-608-7.

References

- Baudrillard, J., 2019. *Fatal'nye strategii* = [Fatal strategies]. Transl. from Fr. by A. Kachalov; sci. ed. D. Damte. Moscow: RIPOL klassik; Pangloss. 319 p. (Ser. "Figures of Philosophy"). (In Russ.) ISBN: 978-5-386-10333-0.
- Erasmus of Rotterdam, 2003. [The complaint of a world expelled and defeated from everywhere]. *Traktaty o vechnom mire* = [Treatises on Eternal Peace]. Comp. I. S. Andreeva, A. V. Gulyga. St. Petersburg: Aletejiya. Pp. 29–59. (In Russ.) ISBN: 5-89329-608-7.
- Freud, Z., 2002. *Psikhologiya bessoznatel'nogo* = [Psychology of the unconscious]. St. Petersburg: Piter. 400 p. (Ser. "Masters of Psychology"). (In Russ.) ISBN: 5-94723-092-5.
- Gritsanov, A. A., ed., 2001. *Vsemirnaya entsiklopediya: Filosofiya* = [World Encyclopedia: Philosophy]. Moscow: AST; Minsk: Kharvest; Sovremennaya literatura. 1312 p. (In Russ.) ISBN: 5-17-007278-3.

Guzeeva, O. S., 2020. The subjects of constitutionalization of criminal law. *Pravosudie/Justice*, 2(2), pp. 170–194. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2686-9241.2020.2.170-194.

Hart, G. L. A., 2007. *Ponyatie prava* = [The Concept of Law]. Transl. from Eng.; eds. E. V. Afonasin, S. V. Moiseev. St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University. 300 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-288-04211-9.

Hegel, G. V. F., 2000. *Fenomenologiya dukha* = [Phenomenology of spirit]. Moscow: Nauka. 495 p. (Ser. “Monuments of Philosophical Thought”). (In Russ.) ISBN: 5-02-008380-1.

Heidegger, M., 1993. [Kant’s thesis on being]. *Vremya i bytie* = [Time and Being]. Articles and speeches. Transl. from Germ. Moscow: Respublika. Pp. 361–381. (In Russ.)

Kant, I., 1999. *Kritika chistogo razuma* = [Critique of Pure Reason]. Transl. from Germ. by N. O. Lossky with variants of transl. in Russian and European languages. Moscow: Nauka. 655 p. (Ser. “Monuments of Philosophical Thought”). (In Russ.) ISBN: 5-02-008366-6.

Ortega y Gasset, J., 2002. *Vosstanie mass* = [Revolt of the masses]. Transl. from Spanish. Moscow: AST. 509, [3] p. (Ser. “Philosophy”). (In Russ.) ISBN: 5-17-007796-3.

Vernadsky, V. V., 1991. *Nauchnaya mysl’ kak planetnoe yavlenie* = [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka. 271 p. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Антюшин Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных дисциплин Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), действительный член Академии военных наук.

Sergey S. Antyushin, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Full Member of the Academy of Military Sciences.

ORCID: 0000-0001-9341-1834

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 13.02.2024.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 13.02.2024.